

Говард Филлипс Лавкрафт

Храм

(The Temple)

(Рукопись, найденная на побережье Юкатана)

20 августа 1917 года, я, Карл-Генрих, граф фон Альтберг-Эренштайн, лейтенант-командир имперских Военно-морских сил Германии и капитан субмарины U-29, вручаю эту бутыль водам Атлантики в точке с вероятными координатами 20° северной широты, 35° западной долготы, где лежит на океанском дне мой потерявший управление корабль. Я поступаю так из-за желания открыть широкой общественности ряд необычных фактов; скорее всего, мне не удастся выжить, чтобы сделать это лично. Обстановка, в которой я нахожусь, столь же угрожающая, сколь и необычна, и дело не только в плачевном положении U-29, но и в том, что моя железная германская воля катастрофически ослабла.

Днём 18 июня мы торпедировали британский сухогруз "Виктория", следовавший маршрутом Нью-Йорк - Ливерпуль (45°16' северной широты, 28°34' западной долготы), о чём я сообщил по радио на U-61, направлявшуюся в Киль. Мы позволили экипажу покинуть тонущее судно на спасательных шлюпках; получилось отличное кино для адмиралтейских архивов: корабль тонул очень живописно, сначала погрузился нос, а крма поднималась всё выше и выше, пока корпус не ушел под воду вертикально. Наша камера не упустила ничего, и я жалею, что такие отличные кадры никогда не попадут в Берлин.

Затем мы потопили шлюпки и погрузились.

Когда же мы всплыли на закате, на палубе было обнаружено тело матроса, вцепившегося в поручни. Бедняга был юн, смугл и довольно красив - верно, итальянец или грек; несомненно, он был из экипажа "Виктории". По-видимому, он искал спасения на том самом судне, которое уничтожило его собственное - еще одна жертва несправедливой войны, развязанной свиньями-англичанами против Фатерлянда. Наши люди обыскали его и нашли в кармане необычную поделку из слоновой кости - голову юноши, увенчанную лавровым венком. Мой помощник, лейтенант Кленц забрал её себе; ему казалось, что эта вещица очень стара и имеет огромную художественную ценность. Как она могла попасть в руки простого матроса ни он, ни я не могли себе представить.

Когда тело было выброшено за борт, среди экипажа произошло некоторое замешательство. Глаза парня были закрыты, но пока его тащили по палубе, они широко раскрылись, и многим померещилось, будто глаза насмешливо и упорно наблюдали за Шмидтом и Циммером, которые в тот момент склонились над трупом. Боцман Мюллер, немолодой уже человек, который был бы гораздо умнее, если бы был суеверной эльзасской свиньёй, под впечатлением от случившегося, стал наблюдать за телом в воде; он боялся, что после того, как тело погрузилось в воду, мертвец расправил конечности и поплыл под водой в южном направлении. Кленцу

и мне не понравилось проявление столь дремучего крестьянского невежества, и мы сделали замечание матросам, в особенности - Мюллеру.

На следующий день неприятности были вызваны недомоганием нескольких матросов. Очевидно, сказывалось постоянное напряжение во время нашего длительного похода, и их стали мучать кошмары. Некоторые находились в странном оцепенении; убедившись, что они не симулируют, я освободил их от несения вахты.

Море было неспокойно, и мы опустились на глубину, где волнение моря не так заметно. Здесь было относительно спокойно, если не считать загадочного подводного течения, которое мы так и не смогли обнаружить на наших океанографических картах.

Стоны больных раздражали, но пока они не повлияли на настроение экипажа, было решено не прибегать к экстренным мерам. Согласно плану, мы должны были оставаться в данном районе и перехватить лайнер "Дакия", упоминавшийся в докладах нью-йоркских агентов.

Ранним вечером мы поднялись на поверхность, волнение стихло. На горизонте, к северу от нас, были замечены дымы военного корабля, но мы были в безопасности, так как корабль находился слишком далеко, а мы в любое время могли уйти под воду. Гораздо больше нас заботили бредни боцмана Мюллера, который с приходом ночи впал в буйство. Он был в ужасном состоянии, всё время твердил о видениях, о мертвцах, плывущих возле иллюминаторов, о мертвцах, которые наблюдают за ним; в некоторых он узнавал раздутых жертв наших победных рейдов. Он сказал, что молодой человек, которого мы нашли и выбросили за борт, был их предводителем.

Это было настолько отвратительно и ненормально, что мы заковали Мюллера в цепи и показательно вразумили хлыстом. Людям это не понравилось, но дисциплина превыше всего. Мы также отклонили просьбу делегации матросов во главе с матросом Циммером выбросить голову слоновой кости за борт.

20 июня матросы Боум и Шмидт, которые были больны накануне, окончательно свихнулись. Я пожалел, что среди офицеров нет штатного врача, ведь немецкая жизнь ценна. Но постоянные вопли этих двоих о страшном проклятии оказались крайне губительны для общей дисциплины, поэтому были предприняты решительные меры. Экипаж воспринял произошедшее угрюмо, но, кажется, это успокоило Мюллера, который впоследствии не доставлял нам никаких хлопот. Вечером, когда мы освободили его, он спокойно приступил к исполнению своих обязанностей.

Всю следующую неделю мы все были мы были крайне взволнованы, ожидая появления "Дакии". Напряжение усугубилось с исчезновением Мюллера и Циммера, которые, несомненно, покончили с собой из-за преследовавших их страхов; впрочем, никто не видел их прыгающими за борт. Я был откровенно рад избавиться от Мюллера, ведь даже его молчание пагубно сказывалось на команде. Теперь все склонялись к послушанию, хоть и затаили глубинный страх. Многие были больны, но никто не выраживал недовольства. Лейтенант Кленц стал раздражительным, ему досаждал любой пустяк - как, например, стаи дельфинов, собирающихся вокруг U-29

в невообразимых количествах, и растущая интенсивность южного течения, не отмеченного на наших картах.

В конце-концов стало ясно, что мы упустили "Дакию". Подобные неудачи не являются чем-то из ряда вон выходящим, и мы были скорее довольны, нежели раздосадованы: теперь нам предстояло возвращение в Вильгельмсгафен. В полдень, 28 июня мы повернули на северо-запад и, несмотря на некоторые курьёзные столкновения со стаями дельфинов, скоро были в пути.

Взрыв в моторном отсеке в 2 часа утра стал полной неожиданностью. Взрыв не был следствием неисправности механизмов или халатности людей, но вот неожиданно судно от носа до кормы сотряс взрыв. Лейтенант Кленц, поспешивший в машинный отсек, обнаружил развороченные двигатели и топливную цистерну, а также скончавшихся на месте механиков Раабе и Шнайдера. Дело приняло серьёзный оборот; химические восстановители воздуха были исправны, и хотя мы могли использовать устройства для всплытия, погружения и для открытия шлюзовых камер до тех пор, пока у нас имелись запасы сжатого воздуха и электрической энергии в батареях, мы не могли ни управлять лодкой, ни даже двигаться вперёд. Ища спасения в шлюпках, мы бы попали в руки к врагам, испытывающим необъяснимую ненависть к великой германской нации; наша же радиосвязь не работала со времени нападения на "Викторию", и мы не могли связаться с другими субмаринами Имперского флота.

С момента взрыва и до 2 июля мы непрерывно дрейфовали на юг, безо всякого плана, не встречая на нашем пути судов. Дельфины по-прежнему окружали U-29, что было примечательно, учитывая расстояние которое мы прошли. Утром 2 июля мы заметили военный корабль под американским флагом, и люди стали неугомонны в своём стремлении сдаться. В результате, лейтенанту Менце пришлось застрелить матроса по имени Таубе, который был особенно настойчив в своём антигерманском порыве. Это утихомирило команду, и мы погрузились незамеченными.

На следующий день с юга появилась большая стая морских птиц, погода не предвещала ничего хорошего. Задраивая люки, мы ожидали дальнейшего развития событий, пока не поняли, что необходимо погрузиться, иначе мы рискуем быть потопленными океанскими валами. Запасы сжатого воздуха и электрической энергии убывали, мы должны были избегать любых ненужных трат; но в данной ситуации у нас не было выбора. Мы опустились не глубоко, и когда - по прошествии нескольких часов - море успокоилось, мы решили вернуться на поверхность. Здесь нас поджидала ещё одна неприятность: судно отказывалось повиноваться рулям несмотря на все усилия механиков. Люди были напуганы неожиданным подводным плёнком, и вновь матросы стали шептаться о фигурке из слоновой кости, принадлежащей лейтенанту Кленцу, но вид пистолета быстро утихомирил их. Мы старались занять несчастных дьяволов чем могли, заставляя чинить механизмы, хотя это было абсолютно бесполезно.

Кленц и я обычно спали в разное время; открытый мятеж начался в пять часов утра 4 июля, как раз пока я спал. Шестеро оставшихся матросов, полагая, что мы уж наверняка пропали, взбесились, припомнив наш отказ сдаться кораблю янки двумя днями ранее; в исступлении они носились, кляня и разрушая всё на своём пути. Они

орали подобно животным, какими и были на самом деле, беспорядочно крушили аппаратуру и мебель; кричали о такой ерунде, как проклятие статуэтки из слоновой кости и о смуглом молодом мертвеце, который якобы смотрел на них, а потом уплыл прочь. Лейтенант Кленц оцепенел и ни на что не реагировал, чего и следовало ожидать от мягкого, женоподобного рейнландца. Я пристрелил всех шестерых, как это и было необходимо, и убедился, что никто не остался в живых.

Мы избавились от тел, воспользовавшись шлюзовой камерой, и остались одни в U-29. Кленц был чем-то обеспокоен, к тому же он сильно напился. Было решено, что мы постараемся выжить, сколь возможно долго, используя большой запас еды и сжиженного кислорода, который не пострадал от лап свиней-моряков. Наши компасы, глубиномеры и другие хрупкие приборы были уничтожены; то есть впредь мы могли рассчитывать лишь на догадки, основываясь на показаниях наших часов, на календаре или нашем видимом дрейфе, о котором мы могли судить, наблюдая различные объекты за бортом через иллюминаторы или из боевой рубки. К счастью, у нас было достаточно заряда в батареях, которого хватило бы для длительного использования как внутри подлодки, так и для работы внешнего прожектора. Мы освещали пространство вокруг лодки лучом прожектора, но видели лишь дельфинов, следящих параллельно нашему курсу. Это заинтриговало меня с научной точки зрения; обычные *Delphinus delphis* - млекопитающие, неспособны существовать без воздуха, я же пристально наблюдал за одним из них в течение двух часов, но тот ни разу не поднялся на поверхность.

По прошествии времени Кленц и я решили, что мы продолжаем дрейфовать на юг, погружаясь всё глубже и глубже. Мы обращали внимание на фауну и флору и прочли много по этой теме из книг, которые я возил с собой для развлечения в свободной время. Знания моего товарища в этой области оставляли желать много лучшего. Его ум был отнюдь не прусским, а больше предрасположенным к бесполезным мечтаниям и фантазиям. Факт приближающейся смерти оставил на нём странный отпечаток, он стал часто молиться о тех мужчинах, женщинах и детях, которых мы отправили ко дну, забывая, что хорошо всё то, что идёт на благо германского государства. Через некоторое время он стал заметно более неуравновешенным, часами разглядывал статуэтку слоновой кости и плёл фантастические истории о таинственных вещах, скрытых под толщей вод. Иногда, в порядке медицинского эксперимента, я сам выводил его на эту почву и выслушивал бесконечные поэтические цитаты и сказания о затонувших кораблях. Мне было жаль его, так как я не люблю видеть страдания немца; но он не был тем человеком, рядом с которым легко умирать. Я был горд за себя, зная, что Фатерлянд будет чтить мою память, и моим сыновьям будут ставить меня в пример.

9 августа мы увидели-таки океанское дно и осветили его мощным прожектором. Это оказалась обширная равнина, покрытая водорослями и усыпанная ракушками мелких моллюсков. То там, то здесь мы замечали покрытые илом объекты странных очертаний, увитые водорослями и покрытые донными отложениями. Кленц уверял, что это древние суда, покоящиеся в своих могилах. Он был заинтересован одним предметом - каменным выступом, возвышавшимся над океанским дном на добрых четыре фута; около двух футов толщиной, с ровными гранями, сходящимися кверху под необычным углом. Я сказал, что это вершина скалы, но Кленц решил, что видел на ней письмена. Спустя время он задрожал и отвернулся, словно испуганный чем-то; он

был подавлен безбрежностью, тьмой, отъединённостью, древностью и таинственностью океанских глубин - я не могу найти более правдоподобного объяснения. Его разум был истощён, но я оставался истинным немцем и отметил сразу две вещи: U-29 отлично выдерживала глубоководное давление, и те удивительные дельфины всё ещё были с нами, на глубине, где само существование высших организмов оспаривается многими натуралистами. В том что ранее я преувеличил глубину нашего погружения, я был уверен; но мы всё же были на достаточной глубине, чтобы этот факт бросался в глаза. Судя по тому, как мы двигались над океанским дном, я правильно определил скорость.

В 3:15 пополудни, двенадцатого августа несчастный Кленц окончательно спятил. Он находился в боевой рубке, шарил прожектором по океанскому дну, но вдруг ввалился в библиотеку, где я читал; его лицо сразу выдало его. Я повторю здесь всё то, что он мне говорил, подчёркивая слова, на которые делался основной упор: "Он зовёт! Он зовёт! Я слышу его! Мы должны идти!" Он схватил костяную статуэтку со стола, положил её в карман, и, схватив меня за руку, потащил к трапу на палубу. Я мгновенно понял, что он хочет открыть люк и выброситься вместе со мной в воду - тот самый убийственный и самоубийственный шаг, которого я от него со страхом ожидал. Я упирался и пытался удержать его, но он лишь злился, говоря: "Пойдем сейчас - пока не поздно; лучше покаяться и быть прощённым, чем сопротивляться и тем обречь себя..." Я пытался отговорить его, сказал даже, что он свихнулся - несчастный сумасшедший. Он был непоколебим и только кричал: "Если я безумен - это милость! Да смилостивятся боги над тем, кто в своём горделивом упорстве может остаться в рассудке пред лицом смерти! Пойдём, предайся безумию, пока он готов помиловать нас!"

Вспышка, кажется, ослабила напряжение в его мозгу; закончив, он стал спокойнее, и просил отпустить его одного, если я не хочу последовать за ним. Мне всё стало ясно. Он был немец, но лишь рейнландец, к тому же - простолюдин; сейчас он был опасным сумасшедшим. Согласившись выполнить его самоубийственную просьбу, я бы тут же избавился от того, кто более не был моим товарищем - но угрозой. Я попросил его отдать мне фигурку слоновой кости, но услышал лишь зловещий хохот, который я не берусь передать. Затем я спросил, не хочет ли он оставить памятную вещицу или локон, которые я мог бы передать его семье, если выживу; ответом мне был всё тот же жуткий смех. Он поднялся по трапу, а я подошел к рычагам управления и с их помощью - выдерживая нужную паузу, - привёл в действие механизмы, отправившие его к праотцам. Убедившись, что он покинул лодку, я осветил пространство вокруг субмарины прожектором в надежде увидеть его последний раз и проверить, расплывчат ли его давление воды, как это и должно произойти по законам природы, или его тело останется неповрежденным - как у тех дельфинов. Я не преуспел в этом предприятии - дельфины плотно окружили рубку.

В тот вечер я жалел, что не забрал фигурку у Кленца, воспоминание о статуэтке очаровывало меня. Я не мог забыть молодое красивое лицо в венке из листьев, хоть я и не художник в душе. Также меня удручало отсутствие собеседника. Кленц, хотя и не ровня мне в интеллектуальном плане, всё же был лучше чем никто. Я плохо спал в ту ночь и думал, когда же придёт конец. Уверен, у меня практически не было шансов выжить.

На следующий день я поднялся в рубку и продолжил изучать окружающий мир с помощью прожектора. К северу пейзаж совсем не изменился с тех пор как мы заметили дно четыре дня назад, но я почувствовал, что дрейф U-29 стал медленней. Когда я направил луч на юг, то заметил, что океанское дно уходит вниз с заметным уклоном; оно было усеяно обработанными глыбами в некоторых местах, разбросанным по дну, между тем, в некоем подобии порядка. Лодка не стала сразу опускаться в глубину, и мне пришлось направить луч прожектора вниз. Кабель неожиданно оборвался, и я потратил несколько минут на починку, но после мне удалось зажечь прожектор и осветить морскую долину, раскинувшуюся передо мной.

Я не эмоционален; но моему восхищению не было предела, когда я увидел, что открылось мне в электрическом свете. Я, будучи знаком с великолепной культурой Пруссии, не должен был удивляться, ведь геология и история предполагают перемещение значительных пластов океанских и континентальных плит. То, что я увидел, было грандиозным скоплением разрушенных зданий - замечательных образчиков неизвестной доселе архитектуры - в разной степени сохранности. Мраморные строения сверкали в лучах прожектора; это был огромный город на дне широкой долины, с храмами и виллами на её склонах. Крыши и колонны давно обвалились, но здесь всё еще витал дух былого величия, который невозможно описать.

Воочию увидев Атлантиду, я мыслил только о ней, я был страстным исследователем. По дну долины когда-то текла река; присмотревшись, я заметил остатки каменных и мраморных мостов, террас и набережных, бывших когда-то красивыми. В своём энтузиазме я уподобился несчастному Кленцу, став глупым и сентиментальным, и лишь потом понял, что южное течение совсем ослабло, а U-29 медленно опустилась - словно аэроплан, там, на поверхности, - посреди затонувшего города. Я с опозданием отметил: стая необычных дельфинов также исчезла.

Около двух часов лодка находилась на площади поблизости от каменистого склона долины. С одной стороны я мог видеть весь город спускавшийся от площади к руслу старой реки, с другой - в пугающей близости - богато украшенный барельефами и прекрасно сохранившийся фасад огромного здания, по-видимому, храма, вырубленного в скале. Я мог только догадываться, сколько труда ушло на постройку этого грандиозного сооружения. За фасадом, приковывавшим взгляд, скрывались обширные внутренние помещения, окон было много. В центре, на вершине широкой лестницы, зияла распахнутая дверь, окруженная скульптурами непередаваемой красоты, которые изображали пасторальные сценки и процесии жрецов и жриц, поклоняющихся с помощью странных ритуальных предметов сияющему божеству. Удивительно самобытное и гармоничное, напоминающее эллинское, искусство отделки. Оно казалось необычайно древним, и было гораздо древнее даже первых зачатков греческой культуры. Не было никаких сомнений в том, что каждая деталь этого колоссального сооружения вырезана в цельной первозданной породе - очевидно, части склона, хоть я и не мог представить, как же в таком случае была извлечена внутренняя порода. Возможно, пещера или целая система пещер образовывали внутренность храма. Ни время, ни погружение не повредили этот великолепный храм - это должен был быть действительно храм - и

сейчас, спустя тысячелетия, он оставался в своём первозданном виде среди нескончаемой ночи, в безмолвии океанской пропасти.

Несчтные часы провёл я, разглядывая затонувший город с его зданиями, арками, статуями, мостами и циклопическим храмом, загадочным и прекрасным. Хотя смерть была близка, меня снедало любопытство, и я начал освещать лучом дно в поиске чего бы то ни было замечательного. Вспышка света позволила мне разглядеть множество деталей, но мне не удалось увидеть помещения за раскрытой дверью скального храма; некоторое время спустя я выключил электрический прожектор, памятую о том, что мне необходимо экономить энергию. Луч стал тусклее, чем был в первые недели нашего вынужденного дрейфа. Обострённое скорым истощением запасов электроэнергии, моё желание проникнуть в подводные тайны лишь росло. Я, немец, должен стать первым, кто пройдёт те давно забытые пути!

Я собрал и проверил водолазный костюм, а также лампу и баллоны с воздухом. Мне казалось, я смогу с помощью смекалки преодолеть трудности с управлением шлюзовой камерой и наконец-то пройтись по затонувшему городу. 16 августа я вышел из U-29 и стал осторожно продвигаться по разрушенным улицам к старой реке. Я не нашел ни скелетов, ни иных следов людей, но мог судить о богатстве древних по скульптурам и монетам. Я не могу выразить то благоговение, что внущила мне цивилизация, достигшая своего расцвета, когда пещерные люди только-только заселили Европу, а Нил катил свои воды вдоль безлюдных берегов. Люди, руководствуясь этими записями - если только им суждено быть найденными - должны раскрыть те тайны, на которые я могу лишь указать. Я возвратился на подлодку, когда мои батареи стали садиться, решив отложить исследование храма до следующего дня.

17-го числа, когда моё желание раскрыть загадку храма стало ещё более навязчивым, меня постигло большое разочарование: материалы, необходимые мне для перезарядки лампы были испорчены во время бунта тех свиней, в июле. Моему негодованию не было предела; мой здравый германский смысл не позволял мне отправиться в неподготовленным в храм, который мог быть логовом невообразимого морского чудовища или лабиринтом, из запутанных коридоров которого я никогда не смог бы выбраться. Всё что я мог сделать, это включить прожектор U-29 и в его свете подняться по храмовой лестнице, чтобы изучить внешние барельефы. Луч под восходящим углом осветил дверь, и я силился разглядеть что-либо - всё напрасно. Даже своды не были видны; я сделал несколько шагов внутрь, испробовав пол на прочность шестом, но не отважился идти дальше. Более того: первый раз в своей жизни я испытал ужас. Я начал осознавать, что возвращаются к жизни старые кошмары несчастного Кленца, храм манил меня всё сильнее, страх перед тем, что в его глубине, сковывал меня. Возвратившись на субмарину, я выключил свет и стал предаваться размышлениям в темноте. Электричество мне понадобится для неотложных нужд.

Субботу, 16-е я провёл в кромешной темноте, обуреваемый мыслями и воспоминаниями, которые готовы были вот-вот опрокинуть мою германскую волю. Кленц сошел с ума и погиб ещё до столкновения с состоянием безысходного одиночества; он советовал мне последовать его примеру. Для того ли Судьба хранила

мой рассудок, чтобы поставить перед осознанием конца более ужасного, чем можно себе вообразить? Совершенно ясно, что мои нервы расшатаны, и я должен оставить подобные помыслы для слабейших.

Я не мог уснуть в ночь с субботы, и - несмотря ни на что - зажёг свет. Меня беспокоило то, что электроэнергия иссякнет раньше чем запасы воздуха и провизии. Я вновь начал подумывать об уходе из жизни, и проверил свой пистолет. Должно быть, я заснул при свете, потому что проснувшись нашёл батареи разряженными. Я жёг спички и жалел о непредусмотрительности, с которой мы давным-давно израсходовали имевшиеся у нас в запасе свечи.

Когда последняя спичка, которую я рискнул зажечь, прогорела, я очутился в темноте. Мой разум в ожидании неминуемого конца возвращался к прошлому, и мне пришло в голову соображение доселе дремавшее во мне, которое, пожалуй, заставило бы более слабого и суеверного человека задрожать. Лицо сияющего божества на барельефах храма было точь-в-точь как у костяной фигурки, которую мы нашли у мёртвого матроса и которую Кленц унёс с собой обратно в море.

Я был немного обескуражен этим совпадением, но оно не испугало меня. Лишь недалёкий человек торопится объяснить и простые, и сложные явления вмешательством потусторонних сил. Совпадение было странным, но я слишком разумен, чтобы усматривать связь между событиями, логически между собой не связанными или каким-либо образом соотносить дело "Виктории" с положением, в котором я нахожусь. Почувствовав необходимость отдыха, я принял снотворное и урвал себе ещё немного сна. Моё нервическое состояние отразилось в моих снах: кажется, я слышал крики утопающих и видел лица мертвецов, прижимавшихся к иллюминаторам подлодки. И среди них было живое, смеющееся лицо юноши с костяной фигуркой в руках.

Я должен теперь как можно точнее описать моё сегодняшнее пробуждение, я слаб, и галлюцинации перемешиваются с действительностью. Моё психологическое состояние любопытно, и я жалею, что оно не может быть изучено компетентными немецкими специалистами. Открыв глаза, я почувствовал непреодолимое желание отправиться в скальный храм; желание росло так скоро, что в противовес ему я попытался вызвать ощущение ужаса. Затем моё внимание привлекло слабое свечение, я будто бы увидел фосфорический свет в воде за иллюминаторами глядящими на храм. Это вызвало неподдельный интерес - я знал, что ни один обитатель глубин не может так светиться.

Но до того, как я смог в этом разобраться, у меня появилось ощущение, своей иррациональностью заставившее меня усомниться в объективности моего восприятия вообще. Это была слуховая галлюцинация: чувство ритмичного звука - как от песнопения или гимна - проникающего сквозь звуконепроницаемый корпус U-29. Убеждённый в собственном ненормальном состоянии, я зажёг несколько спичек и принял большую дозу бромида натрия, который немного успокоил меня, и навязчивая слуховая галлюцинация почти исчезла. Но фосфорическое свечение осталось, и я едва смог подавить малодушный порыв выглянуть в иллюминатор. Оно

было таким реальным, что при нём я мог различать предметы, находившиеся вокруг, как, например, стакан из-под бромида натрия, которого я до того видеть не мог. Поразмыслив, я пересёк комнату и дотронулся до стакана. Он действительно находился там, где ему и положено было быть. Теперь я узнал, что свечение было или реальностью, или частью очень устойчивой галлюцинации - такой устойчивой, что я не мог её рассеять; и я поспешил в рубку, чтобы определить источник свечения. Быть может, это была другая субмарина, путь к спасению?

Хорошо если читатель не воспримет описываемые события как данность; события, выходящие за рамки обыденных законов природы, несомненно субъективны и созданы моим воспалённым воображением. Когда я очутился в боевой рубке, свечение показалось мне не таким уж сильным. Не было поблизости ни фосфоресцирующих существ, ни растений; город, спускавшийся к реке, утопал во тьме. То, что я увидел, не было гротескным представлением или кошмаром, но оно окончательно лишило меня убеждения в собственной адекватности. Дверь и окна подводного храма в скале были освещены мерцающим сиянием, будто от алтарного пламени в глубине.

Произошедшее потом сумбурно. Я глядел на зловеще озарённую дверь, и видения посещали меня - видения настолько необычные, что я не возьмусь их описать. Мне казалось, что я вижу предметы внутри храма; что-то неподвижное, что-то - движущееся; кажется, я снова слышал хоровое пение, которое слышалось мне едва я проснулся. Рос мой страх; мои мысли и страхи сосредотачивались на юноше из воды и костяной статуэтке, чья форма повторяла барельефы на храме. Я вспоминал несчастного Кленца, и стал размышлять, где же поконится его тело и статуэтка слоновой кости, которую он забрал с собой? Он предупреждал меня, но я не внял его предупреждениям - он был лишь мягкотелый рейнландец, сошедший с ума от неудач, с которыми истинный пруссак справится легко.

Остальное очень просто. Моё желание войти в храм стало первостепенной необходимостью, которую нельзя просто отринуть. Моё тело больше не подчиняется моему германскому разуму; сопротивление бессмысленно и вредно. Это было то самое безумие, приведшее Кленца, не позабывшего об элементарной защите, к печальному концу, но я, сын Пруссии, разумный человек, собираюсь использовать то немногое, что у меня имеется. Когда я понял, что должен идти, я подготовил водолазный костюм, шлем и баллон с воздухом, которыми смог бы быстро экипироваться, и без промедления сел писать свою хронику, в надежде, что она попадёт в руки людей. Я доверю записку водам океана и навсегда покину борт U-29.

Я ничего не боюсь - даже пророчества безумного Кленца. Увиденное мною не может быть правдой, моё безумие приведет меня лишь к медленной смерти от удушья, когда закончится кислород. Свет в храме - полная иллюзия, я погибну стойко, как подобает немцу, в тёмной глубине вод. Демонический смех, который я слышу, пока пишу эти строки - плод моего собственного измождённого разума. Я надену скафандр и поднимусь по ступеням прямо в древнее святилище - безмолвная тайна невероятных морских глубин и несчётных лет ждёт.

Перевод: Александр Княжнин